

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ КАК РЕПРЕЗЕНТАНТ КОНЦЕПТА *ЯВЛЕНИЕ*: КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

PROPER NAME AS A REPRESENTATIVE OF THE CONCEPT *PHENOMENON*: CORPUS RESEARCH

A. Golovanevskiy
O. Pechenkina
N. Troshina
T. Fedorova

Summary: The concept *PHENOMENON* generalizes many ideas about the reality around us, including about a person as a unique person who has manifested himself in any field and left a mark on the history and culture of the people. The study of a proper name that nominates such a person becomes relevant within the framework of modern cognitive science, which reveals the mechanisms of semantic variation of onyms and reveals the mental processes associated with them. The purpose of the work is to reveal the specifics of the use of proper names as representatives of the concept *PHENOMENON*. Using the corpus method and the oppositional method, the article analyzes the ways of linguistic expression of the concept *PHENOMENON* in the interpreted authorial contexts recorded in the main subcorpus of the National Corpus of the Russian Language (hereinafter referred to as the NCRL), mainly anthroponyms - the subjects of bisubstantive sentences with the predicate phenomenon. The article shows that the names-phenomena can be such signs, behind which there is a public recognition of the denotations expressed by them; It was revealed that proper names-phenomena, which are representatives of the concept *PHENOMENON*, enter into opposite relations and are characterized by a number of features that are significant for the representation of the concept.

Keywords: phenomenon, proper name, opposition, meaning, National Corpus of the Russian Language.

Голованевский Аркадий Леонидович

Д.филол.н., профессор, Брянский государственный
университет имени академика И.Г. Петровского
golovanevski@mail.ru

Печенкина Ольга Юрьевна

К.филол.н., доцент, Брянский государственный
университет имени академика И.Г. Петровского
olya_bryansk@mail.ru

Трошина Наталья Викторовна

К.филол.н., доцент, Брянский государственный
университет имени академика И.Г. Петровского
natalya_troshina@mail.ru

Федорова Татьяна Владимировна

К.филол.н., доцент, Брянский государственный
университет имени академика И.Г. Петровского
fedorova0808@yandex.ru

Аннотация: Концепт *ЯВЛЕНИЕ* обобщает множество представлений об окружающей нас действительности, в том числе о человеке как об уникальной личности, проявившей себя в какой-либо области и оставившей след в истории и культуре народа. Исследование имени собственного, номинирующего такую личность, становится актуальным в рамках современной когнитивной науки, которая выявляет механизмы смыслового варьирования онимов и раскрывает связанные с ними ментальные процессы. Цель работы – выявить специфику употребления имен собственных как репрезентантов концепта *ЯВЛЕНИЕ*. В статье с помощью корпусной методики и оппозиционного метода анализируются способы лингвистического выражения концепта *ЯВЛЕНИЕ* в интерпретированных авторских контекстах, зафиксированных в основном подкорпусе Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ), главным образом, антропонимы – субъекты бисубстантивных предложений с предикатом явление. В статье показано, что именами-явлениями могут быть такие знаки, за которыми стоит общественное признание выражаемых ими денотатов; выявлено, что имена собственные-явления, являющиеся репрезентантами концепта *ЯВЛЕНИЕ*, вступают в оппозитивные отношения и характеризуются рядом признаков, значимых для представления концепта.

Ключевые слова: явление, имя собственное, оппозиция, значение, Национальный корпус русского языка.

В явлении обобщается множество наших представлений об окружающей действительности. По сути, в самом человеке, его деяниях, природе нет ничего такого, что нельзя было бы подвести под языковой знак *явление*. Это свойство знака послужило причиной его многочисленных употреблений в языке поэзии и прозы. Однако, в отличие от концептов *ФАКТ* и *СОБЫТИЕ*, концепт *ЯВЛЕНИЕ* не столь часто оказывается в центре внимания философов, логиков, хотя сфера его понятийного и вербального пространства весьма обширна.

Данная статья опирается на когнитивный подход к

исследованию языка, предполагающий «не столько изучение объективных характеристик его единиц и категорий, сколько способов восприятия мира человеком, представленных в языковой семантике, т.е. изучение языка через призму основных познавательных процессов – концептуализации и категоризации» [Болдырев, 2016, с. 10].

В современном русском языке имя концепта – слово *явление* – представлено как полисемант. В «Словаре русского языка» [Словарь русского языка, 1988, с. 778] отмечены следующие значения: 1. Действие по знач. глаг.

явиться. 2. Часть акта, действия (в пьесе), в которой состав действующих лиц не меняется. 3. филос. Внешнее выражение сущности предметов, процессов; непосредственное отражение вещи в чувственном восприятии. 4. Всякое проявление чего-л., каких-л. сил, процессов и т.п. То, что происходит, случается, имеет место в окружающей действительности; событие, факт. 5. Событие, факт.

Не вызывает сомнения такое утверждение Ч. Филлмора: «Описание одних классов слов должно непременно опираться на знания о действительности, тогда как для описания других классов эти знания не обязательны» [Филлмор, 1983, с. 50]. Нам необходимо прежде всего определить свои позиции и выяснить, на какие знания о действительности, т.е. о мире, мы должны опираться и в чем заключается функция того концепта, который в языке вербализуется как *явление*. Отметим, что определение значений в полисемантах производится на основе различных типов дефиниций. Характеристический тип дефиниции, о котором говорит Филлмор, для слова *явление* заключается в том, что одно из значений приписывается человеку, т.е. «сущность понятия» отрывается «от определения слова, именующего эту категорию». В «Словаре современного русского литературного языка» это значение *явления* наблюдается у фразеологизированного сочетания 'Редкое, странное явление' – 'О человеке необыкновенном, отличном от обычных людей' – и сопровождается поэтической иллюстрацией из «Песни Еремушке» Н.А. Некрасова: «*Будешь редкое явление, Чудо родины своей; Не холопское терпение Принесешь ты в жертву ей...*» [Словарь современного русского литературного языка, 1965, с. 2023-2025]. Трудно согласиться с фразеологическим характером этого сочетания, но то, что необыкновенные, выдающиеся в различных сферах деятельности люди становятся явлениями, – это несомненно. По-нашему, именами-явлениями могут быть только такие словесные знаки, за которыми стоит общественное признание выражаемых ими денотатов. Отсюда как явления выступают: имена *Пушкин, Тютчев* и др.; топонимы *Крым*; выражения типа *Пиррова победа* [Голованевский, 2017, с. 6]. Предполагаем, что с этой точки зрения можно объяснить и подбор в качестве стимулов в «Русском ассоциативном словаре» имен собственных-антропонимов, топонимов, гидронимов, урбанонимов, названий известных произведений и т.п.: *Америка, Библия, Война, Мир, Волга, Гагарин, Достоевский, Калашников, Ленин, Маркс, Толстой, Христос* и многие другие [Русский ассоциативный словарь]. Все они – *явления*, т.е. необычны, известны широкому кругу людей, становятся предметом всевозможных оценок, сопоставлений, и каждое из этих имен в процессе номинализации может быть употреблено в синтаксической конструкции с предикатом «явление». Предикат «явление» в синтаксической структуре предложения – «один из универсальных компонентов», формирующий дефиниции как «суждения, утверждающие эквивалентность между определяе-

мым и определяющим предложениями» [Бендикс, 1983, с. 105]. Именно определяя семантику субъектов предложений с предикатом *явление*, мы создаем условия для «использования этих единиц в дефинициях конкретных языков в сочетании с компонентами, специфическими для каждого языка» [Бендикс, 1983, с. 78].

В статье анализируются имена собственные как репрезентанты концепта ЯВЛЕНИЕ в интерпретированных авторских контекстах, зафиксированных в текстах Национального корпуса русского языка, главным образом антропонимы – субъекты бисубстантивных предложений с предикатом *явление*. Материалом исследования являются тексты, представленные в основном подкорпусе НКРЯ, включающем 126 852 текст и 337 025 184 словоупотребления (по данным на февраль 2022 г.). Выборку составляют предложения, в которых имя собственное выступает подлежащим, а в состав сказуемого входит слово «явление» – с зависимыми словами или без. Модель может быть обозначена как «N – это явление». В числе подобных конструкций мы будем рассматривать и такие, которые в результате номинализации трансформируются в названную.

Описание исследуемого материала представлено по следующей схеме: в первую очередь имена собственные как репрезентанты концепта ЯВЛЕНИЕ распределены и описаны по группам в соответствии с коннотациями оценочного плана (пейоративно оценочные и мелиоративно оценочные). Далее имена и обозначенные ими «положительные явления» представлены в группах по разным признакам: локальным, темпоральным, размерным, профессиональным, по степени уникальности, всеохватности, сфере проявления.

В результате запроса в основном подкорпусе НКРЯ по точному слову и форме «явление» были отобраны 6354 документа, 17352 словоупотребления лексемы – репрезентанта концепта. Из них 483 контекста включают модель бисубстантивного предложения с именем собственным в функции подлежащего «N – это явление» или могут быть в неё преобразованы с сохранением семантики характеристики. При этом предикат обладает значением 'выдающийся в какой-либо сфере деятельности человек'.

Проведенный анализ показал, что имена-явления как особая категория выделяются на фоне общей массы слов, репрезентирующих «не-явления», поэтому в исследуемых контекстах часто встречаются эксплицитно или имплицитно выраженные противопоставления явлений и «не-явлений»: *Мы обыватели, мы серость, волей чьей-то оказавшиеся рядом с явлениями. Не то же ли и есть друг мой Высоцкий? Мы греемся около его костра* [Татьяна Москвина. Аргументы Недели, 2017.16.02]. При этом референт второго члена оппозиции обязательно пред-

полагается, причём предположения могут быть различными, в меру жизненного опыта и знаний о мире участников диалога. Чаще всего оппозиционно представлены люди-явления как личности гениальные, уникальные, героические – с одной стороны, и люди невыдающиеся, обыватели, толпа – с другой стороны. Отнесение к явлениям иногда вступает в противоречие с устоявшимися мнениями, оценками, но при этом величие явления ничуть не умаляется: *Мне дорог Бисмарк как явление, как характер..., хотя бы и доказано было, что он нам безусловный враг* [К.Н. Леонтьев. Плоды национальных движений на православном Востоке (1888-1889)].

По существу, в предложениях модели «N – это явление» мы встречаемся с авторской дефиницией человека, названного по его имени, фамилии. Все эти дефиниции оценочные. Но очень важно, кто является субъектом, автором оценки. От этого зависит объективность оценки, степень доверия к квалификации «явление / не-явление». В силу такой субъективности одно и то же имя становится маркером и положительно, и отрицательно оценочного явления. Так, Д.С. Мережковский в статье «Грядущий хам» приводит слова Ф.М. Достоевского о В.Г. Белинском: *Белинский – самое тупое и смрадное явление русской жизни* [Д.С. Мережковский. Грядущий хам (1906)]; но иную оценку явлению Белинскому дает А.Ф. Писемский: *Белинский в этом случае был замечательное явление: он не столько любил свои писания, сколько то, о чем писал...* [А.Ф. Писемский. Письмо Ф.И. Буслаеву (1877)].

Следует иметь в виду, за отрицательно оценочными явлениями стоит субъективная или противоположная мировоззренческая позиция одного или нескольких авторов, порой не разделяемая другими. Но несомненно: оппозиция отрицательных и положительных явлений и, следовательно, имен собственных, их называющих, существует.

Имена собственные, которые являются номинациями «отрицательных явлений», выступают подлежащими в моделях, где в состав предиката, помимо слова *явление*, входят слова с пейоративной коннотацией (*явление* *больное*, *темное*, *болезненное*, *отрицательное* и др.): *Комаровский – явление далеко не ничтожное, но больное и темное...* [Г.В. Адамович. Судьба Иннокентия Анненского // «Русская мысль», 1957, 5 ноября, 1957]. Примечательно, что всего среди исследуемых контекстов было отмечено только 7 примеров с квалификацией «отрицательно оценочное явление»; при этом в контекстах, где в предикат входит только слово «явление», представлено однозначно «положительное явление»: *Дмитрий Сухарев пишет: «Евгений Рейн считает Высоцкого посредственным стихотворцем, а для Окуджавы Высоцкий – «явление»* [Александр Городницкий. «И жить еще надежде» (2001)]. Вероятно, с *явлением* русский человек связывает чаще нечто значительное, особенное, иногда

непонятное, но не осознаваемое как событие, факт негативного характера.

Анализ явлений положительного характера, обозначенных онимами, позволил выявить разные признаки, которые отражают особенности концепта ЯВЛЕНИЕ, репрезентированного именами собственными. Явления могут быть описаны по признакам локальным, темпоральным, размерным, профессиональным, по степени уникальности, всеохватности, сфере проявления.

Под локальным понимаем «местный, не выходящий за определенные пределы» [Ожегов, Шведова, 1997, с. 332]; соответственно, явления локальные оказываются отнесенными к конкретной стране, её культуре, истории и т.д.: *Аввакум – явление самородное, русское* [Василий Гроссман. Все течет (1955-1963) // «Октябрь», 1989]; *«Не надо отдавать Солженицына нашим врагам и Западу, – писал В. Юдин, – он писатель-патриот, он болеет за Россию, он – явление глубоко русское, национальное...* [Рой Медведев. Русский вопрос по Солженицыну (2002)]. Уникальные личности как явления свойственны не только русской культуре: *Анри Труайя – значительное явление современной французской прозы* [С.А. Дангулов. Труайя (1981)].

Под темпоральными явлениями понимаем такие, которые характеризуются с точки зрения временной ограниченности. Темпоральность может быть свойственна многим явлениям как частный признак, возникший по ассоциации или в сравнении: *К. Чуковский – характерное явление нашей жизни. В нём отразилась своеобразная, сложная, «мёртвая» сторона современности* [протоиерей В.П. Свенцицкий. Что такое К. Чуковский? (1910)]; *Шагал – большое явление в мировой живописи XX века* [И.Г. Эренбург. Люди, годы, жизнь. Книга 7 (1960-1965)].

Размерно-сопоставительная характеристика явлений (размер – «величина чего-н. в каком-н. измерении» [Ожегов, Шведова, 1997, с. 649]) позволяет выявить явления *огромные*, *величайшие*, *крупные*, *более чем крупные*, *крупнейшие*, *большие* (такие наиболее частотны) и *малые*, *маленькие*. Иногда такая оппозиция дается при сравнении творчества двух авторов: *Островский, хоть и огромное явление, но сравнительно с Гоголем это явление довольно маленькое...* [Ф.М. Достоевский. Из записных тетрадей (1876)]. В большей части примеров из НКРЯ «размерность» явлений дается вне сравнения: *Царь Петр, несомненно, явление более чем крупное...* [Ю.П. Герман. Россия молодая. Часть вторая (1952)].

Чаще всего под явлениями понимают людей, проявивших себя в какой-либо сфере (культурной, профессиональной, политической и др.), поэтому важным для квалификации явления оказывается признак, который условно и обобщенно обозначим как профессиональ-

ный: *Дэвид Копперфильд – явление телевизионное* [И.Э. Кио. Иллюзии без иллюзий (1995-1999)]; *Ильюшин – это явление в мировой авиации* [Генрих Новожилов: «Ильюшин – это явление в мировой авиации» // «Вестник авиации и космонавтики», 2004.04.28]. Уникальность, неповторимость людей-явлений и в том, что они проявляют себя как феномен в нескольких сферах: *В этих моих домашних записях Евтушенко возник почти случайно, а он заслуживает отдельного и более сложного разговора – если не как поэтическое, то как политическое явление* [Владимир Соловьев. Три еврея, или Утешение в слезах. Роман с эпиграфами (1975-1998)].

Один из наиболее ярких критериев, характеризующих явления, номинированные именами собственными, – степень уникальности. Уникальный – ‘единственный в своем роде, неповторимый’ [Ожегов, Шведова, 1997, с. 834]. Если понимать под уникальным явлением «единственного в своем роде», то таких единственных уникамов будет множество, что и подтверждают контексты явления с этим определением. По-нашему, оно является наиболее повторяющимся в анализируемых документах НКРЯ. Например: *Действительно, в авторской песне, стремительно взлетевшей в 60-е годы, Юлий Ким — явление уникальное и исключительное* [Александр Городницкий. «И жить еще надежде» (2001)]. Всего атрибут *уникальный* отнесен к 24 именам собственным-явлениям. Наряду с *уникальными*, явления бывают *исключительными* (8 примеров), *незаурядными* (6), *удивительными* (5), *замечательными* (5), *необыкновенными*, *чрезвычайными*, *необычайными*, *особыми* (3), *небывальными*, *неповторимыми*, *единичными* (2), *невиданными* и *неслыханными*, *феноменальными*, *беспримерными*, *причудливыми*, *выходящими из ряда* (1).

Уникальность личностей, которые в исследуемых текстах обозначены как явления, заключается часто в том, что они опередили своё время, потому неслучайны атрибуты *вещий*, *пророческий*: *Но Тютчев глубже, чем думают. Он – вещее явление* [Н.А. Бердяев. Новое средневековье (1924)]; *Герцен – пророческое явление всею линией своего жизненного пути* [Н.В. Устрялов. Под знаком революции (1927)].

Автор, характеризуя того или иного человека как явление, может при этом сослаться на свое личное мнение, не претендуя на объективность. Этот признак лежит в основе оппозиции: «явление для одного – явление для всех»: ... *Маяковский для меня огромное явление и в поэзии и в жизни века...* [И.Г. Эренбург. Люди, годы, жизнь. Книга 2 (1960-1965)]; *Нет сомнения, что величайшее явление нашей литературы для Ремизова – Гоголь* [Г.В. Адамович. Ремизов (1955)]. Отметим, что примеров, в которых выражена субъективная модальность, в материалах НКРЯ немного (отмечены 15 примеров); вероятно, подавляющее большинство авторов, присваивающих имени

статус явления, не сомневаются в объективности своего подхода.

Стоит отметить, что одно и то же явление, обозначенное именем собственным, может обладать и несколькими признаками (всего отмечены 23 примера): ... *Александр Ширвиндт – явление в нашем искусстве удивительно российское, почвенное, сермяжное...* [Григорий Горин. Иронические мемуары (1990-1998) – совмещаются признаки локальный, профессиональный; *Солженицын не есть нечто отдельное от нашей литературы, это её существенное, очень значительное по своим последствиям явление периода после 20-го съезда... в лучшей своей части поистине явление самобытное и незаурядное* [А.Т. Твардовский. Рабочие тетради (1967) // «Знамя», 2002] – локальный, темпоральный, профессиональный, по степени уникальности. При этом сложно выделить, какой из признаков является основным. В целом, многоаспектность признаков – следствие многогранности личности, квалифицируемой как явление.

Примечательно, что одни имена собственные (например, Пассек, Шестов, Аверинцев и др.) оказываются употребленными в единичных контекстах в НКРЯ, другие оказываются весьма частотными. Несомненно, степень частотности становится отражением степени значительности явления, ведь люди великие становятся объектами оценки со стороны многих. По нашим наблюдениям, больше всего квалификаций в качестве явления отмечено у А.С. Пушкина (9) и Л.Н. Толстого (8). Например, авторами текстов, представленных в НКРЯ, Пушкин как явление наделен такими характеристиками: *«явление невиданное и неслыханное, а по-нашему, и пророческое...»* [Ф.М. Достоевский. Дневник писателя. 1880 год. Год III. Единственный выпуск на 1880 год (1880)]; *«величайшее явление русской творческой гениальности первой трети века, создатель русского языка и русской литературы»* [Н.А. Бердяев. Русская идея (1946)]; *«Пушкин есть явление чрезвычайное, – пишет Гоголь в 1832 году, – и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет»* [Д.С. Мережковский. Пушкин (1896)]. Несомненно, что признание людей явлениями в таких случаях носит объективный характер, обусловленный самим социокультурным феноменом гениальности.

Выявленные признаки концепта ЯВЛЕНИЕ позволяют оценить некоторые высказывания о людях-явлениях как «когнитивные манипуляции» (термин В.З. Демьянкова). Отсутствие границ между «знанием языка» и «знанием мира», о котором пишет В.З. Демьянков, сказывается и на резко противоположной оценке одних и тех же людей-явлений. Субъективный взгляд на личность как на явление может навязать такой «трансфер знаний», который вызывает «изменения в осведомленности человека: о предметах и о том, как об этих предметах принято го-

ворить...» [Демьянков, 2017, с. 7]. Вместе с тем, признание людей явлениями носит и объективный характер, обусловленный самим социокультурным феноменом гениальности.

Проведенный анализ показал, что словесные знаки, именующие людей, могут быть признаны в качестве имен-явлений, если за ними стоит общественное признание выражаемых ими денотатов. Такие имена сравнительно редки, узнаваемы и становятся предметом всевозможных оценок, сопоставлений. Имя собственное, употребленное в модели с предикатом «явление», может рассматриваться как языковой знак, объективирующий концепт ЯВЛЕНИЕ.

Квалификация личности как явления всегда оценочна. Отрицательная оценочность обязательно имеет семантические средства посредством слов с негативной коннотацией, в то время как положительная оце-

ночность изначально реализуется через сам предикат «явление».

Анализ явлений положительного характера, обозначенных онимами, позволил выявить их характерные признаки, которые отражают особенности концепта ЯВЛЕНИЕ, репрезентированного именами собственными. Это признаки локальные, темпоральные, размерные, профессиональные, по степени уникальности, всеохватности, сфере проявления. Примечательно, что в ряде случаев номинированные именами собственными люди-явления многогранны в своих призваниях и результатах жизненной деятельности, поэтому подвести их под какую-либо одну характеристику порой невозможно.

Результаты проведенного анализа могут послужить основой для дальнейшего исследования имен собственных как репрезентантов концептов в различных типах дискурсов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бендикс Э.Г. Эмпирическая база семантического описания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV. Проблемы и методы лексикографии. М.: Прогресс, 1983. С. 75-107.
2. Болдырев Н.Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4. С. 10-20. DOI: 10.20916/1812-3228-2016-4-10-20
3. Демьянков В.З. Трансфер знаний и когнитивная манипуляция // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 4. С. 5-13. DOI: 10.20916/1812-3228-2017-4-5-13
4. Голованевский А.Л. Концепт факт в мире языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 3. С. 63-75. DOI: 10.20916/1812-3228-2017-3-63-75
5. Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru>
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.
7. Русский ассоциативный словарь / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. М.: ИРЯ РАН, 1994-1998.
8. Словарь русского языка: в 4 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; гл. ред. А.П. Евгеньев. М.: Русский язык. Т. 4: С - Я. 1988. 795, [1] с.
9. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 17: Х-Я / Ред. Л.С. Ковтун, В.П. Петушков. 1965. IV с., 2126 стб.
10. Филлмор Ч.Дж. Об организации семантической информации в словаре // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV. Проблемы и методы лексикографии. М.: Прогресс, 1983. С. 23-60.

© Голованевский Аркадий Леонидович (golovanevski@mail.ru), Печенкина Ольга Юрьевна (olya_bryansk@mail.ru), Трошина Наталья Викторовна (natalya_troshina@mail.ru), Федорова Татьяна Владимировна (fedorova0808@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»